

С.В. Волошина

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ*

Аннотация. *Статья посвящена описанию особенностей речевого жанра автобиографии, функционирующего в письменной, официальной и устной, неофициальной коммуникации. Материал исследования – делопроизводственные автобиографии и диалектные автобиографические рассказы, относящиеся к сибирскому автобиографическому дискурсу. Делается вывод о том, что оба типа текстов имеют общие черты и ряд особенностей. Различия проявляются в функциях этих текстов, ситуациях обращения к ним, участниках коммуникации, жанровых, композиционных особенностях, средствах языкового воплощения.*

Ключевые слова: *словесная культура Сибири, автобиография, дискурс, речевой жанр, автобиографический рассказ, автобиографический дискурс, делопроизводственная автобиография.*

Автобиографический дискурс – один из видов дискурса, предполагающих саморефлексию, самоидентификацию, самопрезентацию, включающий такие жанровые формы, в которых человек представляет себя, свою жизнь, внутренний мир и все, что его окружает. Обращение к исследованию автобиографических текстов в контексте сибирской словесной культуры объясняется рядом причин. С одной стороны, это тексты не только о жизни людей, созданные ими самими, но и о регионе с особой историей, географическим положением, климатическими условиями, оказавшем влияние на их жизнь. С другой стороны, словесная культура Сибири исследуется в разных аспектах, на разном материале: на материале публицистических [1, 2], художественных [3–5], фольклорных текстов [6, 7], источников личного происхождения (днев-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70006 а (р) и при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

ников, писем, документов, мемуаров и т.д.) [8, 9], однако представляется, что в меньшей степени изучены тексты, неопубликованные, не подвергавшиеся редактированию, к которым и относятся разнообразные (нехудожественные) автобиографические практики.

Под дискурсом в данной работе вслед за Н.Д. Арутюновой понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная» в жизнь” [10. С. 137]. В соответствии с этим определением, как представляется, исследование дискурса должно включать в себя анализ речевых средств с учетом внеязыковых факторов, условий коммуникативной ситуации. В работе мы также используем понятие автобиографической практики, подразумевая под ним деятельность по созданию своего жизнеописания, в результате которой рождаются тексты автобиографического характера. Иначе говоря, исследуемый материал рассматривается как результат дискурсивной деятельности, результат автобиографических практик. Вместе с тем следует отметить, что в структуре каждого типа дискурса функционируют тексты, относящиеся к определенным жанрам, они имеют ряд общих содержательных и формальных черт. То есть тот или иной дискурс определяет наличие в нем ядерных речевых жанров и их признаков, а речевые жанры являются одним из строительных материалов дискурса и способов его описания.

Цель данной статьи – исследовать особенности речевого жанра автобиографии, существующего в рамках сибирского автобиографического дискурса и проявляющегося в устной неофициальной и письменной официальной коммуникации.

Материалом исследования выступают около 300 делопроизводственных автобиографий, написанных жителями г. Томска (томи-чей или людей, для которых Томск стал городом временного или

постоянного проживания) в конце 1920-х – 1990-е гг. на специальных бланках или на листах чистой бумаги, и 140 устных автобиографических рассказов сибирских старожилов, записанных на территории Томской области с 1940 по 2008 г. Делопроизводственные автобиографии хранятся в личных делах (поэтому и называются делопроизводственными), отложившихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), архивах университетов г. Томска [11].

Все исследуемые тексты мы относим к речевому жанру автобиографии, имеющему в зависимости от сферы функционирования жанровые варианты, такие как делопроизводственная автобиография или автобиографический рассказ, относящиеся к автобиографическому дискурсу и обладающие как своей спецификой, так и общими чертами. Описывая в совокупности эти практики и их особенности, мы осуществляем тем самым анализ автобиографического дискурса, выявление его особенностей.

Укажем параметры для описания автобиографического дискурса: цель; функции; ситуации обращения; участники дискурсивной деятельности; жанровые формы реализации дискурса и их композиция; пространственно-временные характеристики (хронотоп); соотношение субъективного и объективного начал; дискурсообразующие концепты; коммуникативные стратегии и тактики; средства языкового воплощения;

Цель исследуемых текстов – предоставление их авторами информации о себе и о своей жизни. Вследствие того, что информантами для диалектолога являются преимущественно представители старшего поколения и коммуникация носит неформальный, устный характер, целевой параметр может быть эксплицирован и репрезентирован разного рода вопросами, уточнениями, информацией о возрасте и сетованием на то, что информант ничего не помнит: *«Трещаться-то я люблю, только я не знаю, с какой стороны начинать. Папа, мама и так далее. А собственно говоря, кто здесь еще должен быть, в ваших этих записях, или вы чуть не сплошь, все старье собираете?»*; *«Стара стала, теперь уж все*

забыла». Подобные случаи не встречаются в делопроизводственных автобиографиях, поскольку сфера их порождения и функционирования не предполагает прямого, непосредственного взаимодействия с адресатом.

Тексты, составляющие автобиографический дискурс, являются полифункциональными. С одной стороны, они выполняют одинаковые функции: информационную, коммуникативную, социальную, культурную, дидактическую, являются своего рода историческими источниками, способами самоидентификации, самопрезентации. Вместе с тем, в зависимости от сферы их существования, та или иная функция проявляется в большей или меньшей степени. Так, на наш взгляд, социальная функция у делопроизводственных автобиографий является более выраженной. Эти документы создаются при определенной социальной потребности: составляющий автобиографию человек должен ее предоставить при поступлении в вуз, на работу и т.п. Коммуникативная и культурная функции, как представляется, проявляются в большей степени у диалектных автобиографических рассказов. Сама данная жанровая форма возникает в условиях непосредственной коммуникации, при которой существует обмен информацией между диалектологом и диалектоносителем или информантом и его внуками, соседями и т.п. и осуществляется передача культурно значимой информации, в связи с чем автобиографический рассказ может выполнять и дидактическую функцию: *«Я своими детьми очень довольна, не только звонят и письма пишут, и деньги шлют и посылки шлют, нельзя на своих детей, вот некоторые говорят, такой сякой, немзаный, сухой, нет, я ничего подобного не могу сказать...»*.

И тот, и другой тип исследуемых текстов может выступать историческим источником, однако речевой жанр автобиографии, функционирующий в делопроизводственной сфере, является документом, который требует сообщения точных дат, названий мест: городов, школ, вузов и т.д., что придает большую достоверность информации.

Ситуации обращения к текстам автобиографического дискурса. Специфичным для исследуемых текстов является их по-

рождение. Это спровоцированные тексты, возникшие в определенных условиях. Так, делопроизводственные автобиографии были написаны при поступлении в вуз, устройстве на работу или переизбрании на должность, главным условием при которых являлось составление автобиографии или заполнение специального бланка «Автобиография». Устные рассказы были записаны в результате обращения диалектолога к информанту с просьбой «Расскажите, пожалуйста, о своей жизни». Вместе с тем и в первом, и во втором типе текстов отражается их оформление по законам естественной коммуникации. Однако большинство делопроизводственных автобиографий совмещает черты естественной письменной речи (непрофессиональность исполнения) [12] и подготовленной, включающей стандартные конструкции официально-деловой коммуникации: *«Состояние здоровья в общем – удовлетворительное. Но уже три года совсем не отдыхал и чувствую крайнее переутомление и нервное расстройство. Использование моих знаний и сил на научно-учебной работе считаю наиболее целесообразным, но в условиях спокойной обстановки. Учебно-административной работой заниматься уже не могу».*

Участники дискурсивной деятельности определяются ситуацией, в которой порождаются исследуемые автобиографические тексты.

Главным участником этой дискурсивной деятельности является пишущий или рассказывающий автобиографию. При создании делопроизводственной автобиографии он предполагает адресата, того, кому может быть интересна информация, им предоставляемая. Автобиографии-документы, написанные в период с 1930 по 1980-е гг., являлись своеобразным инструментом контроля человека властью, поэтому люди стремились сообщать о себе как можно меньше информации, ее скрывать [11]. Например, в автобиографии, составленной примерно в 1946–1947 гг., автор отмечает, что в *«семье сужденных нет»*, а затем в автобиографии от 16.03.1953 г. указывает, что *«Отец ...NN, был осужден в 1938 г. и сослан с правом переписки. Позднее, в 1943 г. мать получила извещение, что он умер в мае 1942 г.»*. А. Юрчак использует понятие «перформа-

тивный сдвиг», под которым понимается смещение смыслов при сохранении формы [13. С. 25]. Люди писали автобиографии, формально соблюдая требования, отвечая на указанные в бланках вопросы, но при этом использовали стратегию умолчания.

В располагаемых нами диалектных автобиографических рассказах участниками коммуникации являются сам информант и диалектолог. Рассказчик видит перед собой собеседника, адресата, он не является скрытым от него. Как отмечает Н.В. Большакова, «диалектная речь, конечно, существует объективно вне зависимости от факта ее осознания исследователем. Однако научному описанию доступны записи, сделанные в полевых условиях» [14]. В условиях такой коммуникативной ситуации речевой жанр автобиографического рассказа является одним из ядерных. В отличие от официальных автобиографических практик, в которых не подразумевается непосредственного контакта с адресатом, в процессе повествования информант-диалектоносите́ль, сообщая о каких-либо важных с его точки зрения событиях и не желая при этом, чтобы его точка зрения была широко распространена, может попросить собирателя не записывать эту информацию, спросить, как будут использованы записи, воспринимая диалектолога как представителя власти: *«Что мне делать, квартиру дали, это сейчас кажется просто, а квартиру-то не очень-то добьешься, но однако же кто хочет, тот получает, во у N. же есть квартира, вы знаете же его, у K. есть квартира, еще, кто тут из молодых-то приехал. N.-то мой воспитанник ходил ко мне 4 года, ну вы это не записывайте, это не надо, ага...»*.

Жанровые формы реализации дискурса и их композиция. Автобиографический дискурс располагает различными речевыми жанрами, в центре которых стоят «Я» автора и его жизнь или ее отдельные этапы. Ядерным для данного вида дискурса является речевой жанр автобиографии, имеющий четкую структуру. Его композиция подразумевает стандартность изложения информации, которая определяется траекторией жизни человека: автобиографии выстраивают события от рождения их составителя до момента создания текста.

Особенностью большинства делопроизводственных автобиографий XX в. является их создание на специальных бланках, в которых указывались определенные требования к их содержанию, влиявшие на композицию текстов и языковое воплощение. В располагаемом материале было выявлено 7 типов бланков автобиографий (относятся к 1940, 1949, 1954, 1955, 1958, 1979, 1990 гг.) с требованиями отразить в документе сведения о рождении, социальном происхождении и родителях, образовании, трудовой деятельности, собственной семье, присутствуют требования, которые выясняют лояльность или латентную нелояльность человека к коллективу, учреждению, закону и в целом власти (вопросы о причинах перехода с одной работы на другую, родственниках, лишившихся избирательных прав, уголовном преследовании автора и его родственников, партийности) [11]. Эти требования, как правило, соблюдались, повествование о событиях осуществлялось в хронологической последовательности.

Типичный автобиографический рассказ в диалектной коммуникации строится по определенной схеме: в начале следует сообщение о годе, месте рождения. Затем сообщается о семье, в которой родился говорящий, родителях, хозяйстве. Потом говорящий представляет информацию о переезде, перемене места жительства, объясняет, как оказался в той или иной местности. Затем следует сообщение о событиях в личной жизни, о сферах деятельности. Далее повествуется о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время. Однако коммуникативная ситуация, неподготовленность повествования, его устный характер обуславливают в исследуемом материале трансформации этой схемы: может быть нарушена хронологическая последовательность при рассказе о событиях, повествование может начинаться с рассказа о современном периоде жизни, в текстах могут отсутствовать некоторые элементы схемы. В рассказы о прошлом могут быть включены комментарии о жизни в настоящее время. И, наоборот, в повествовании о жизни в настоящее время упоминаются события, случаи из прошлого. Рассказчик может отвлекаться от основного повествования: «[о матери] она, я вот так вспоминаю, вспоминаю, у меня будут отступления или какие-то факты. Однако же, неграмотная жен-

щина осталась с детьми, в возрасте от десяти до восьми месяцев, пятеро детей...».

Пространственно-временные характеристики (хронотоп). Как правило, тексты автобиографического дискурса являются ретроспективно направленными. В них отражается «Я» говорящего или пишущего от времени рождения до момента порождения текста. Одной из особенностей этого дискурса является отсутствие в текстах повествования о будущем. В устных автобиографических рассказах могут встречаться высказывания о будущих событиях, как правило, уже известных говорящему, предсказуемых: *«Как рожденкой здесь жила, так и жить буду, пока не помру»*; *«Заболела, потом пошла в охрану работать сторожем, оттуда ушла на пенсию. Скоро семьдесят мне будет».*

Пространственная организация автобиографических текстов обладает определенной спецификой, поскольку имеет несколько измерений.

С одной стороны, весь автобиографический текст помещен в пространство человеческой памяти. Информант или автор документа отбирает в памяти важные события из своей жизни, которые, по его мнению, составляют его автобиографию и в ней должны быть отражены. С течением времени на смену этим событиям могут прийти другие, оказавшие большее влияние на жизнь человека. Например, в исследуемом материале встречаются автобиографии одного и того же человека, но написанные в разные годы. Так, один из авторов в тексте 1936 г. указывает, что *«в 1931 г. окончил четырехмесячные курсы по подготовке на педфак NNN, но в университет не поступил, ввиду отказа администрации отпустить с работы на учебу»*, после этого в автобиографиях 1953 и 1974 гг. этот факт не упоминается, а есть лишь информация, что *«в 1936 г. я поступил на физико-математический факультет NNN, который и закончил с отличием в 1941 г. по металлофизической специализации».*

С другой стороны, человек не может существовать вне времени и пространства, поэтому информация о пространстве постоянно сопровождает автобиографические тексты. Авторы при сообщении

о событии из жизни обращается к называнию места, в котором оно происходило / происходит: *«Я начальную школу окончила в Омске в период с 1938 по 1942 год»; «Это я ездила в Москву в 39 году за этих телят, как передовица, с Колпашево ездило с нашего района двадцать пять человек. И потом мне обратно путевка туда ехать, и как раз война».*

Соотношение субъективного и объективного начал является особенностью текстов автобиографического дискурса. Одной из главных характерных черт автобиографических текстов является субъективность повествования, которое, как правило, ведется от 1-го лица. Но, как уже отмечалось, в исследуемых текстах содержится информация не только о самом говорящем / пишущем, но и об окружающем его мире. Эти тексты могут использоваться в качестве исторических источников. В них может быть информация о том, как объективные причины повлияли на жизнь отдельного человека. В этом смысле сибирские автобиографические тексты включают и повествование о Сибири и людях, живших здесь, о жизни в этом регионе, о переселении в Сибирь: *«В связи с войной наша семья в 1942 г. была эвакуирована из Москвы в Томск»; «вскоре после этого родители были арестованы и высланы за пределы бывшей Саратовской губернии как политически неблагонадежные и дальнейшее обучение продолжил дома под руководством родителей»; «Днепр переплывали, которы плавали, которы плохо, а я сибиряк, хорошо плавал, а на второй день нас опять туда же собрали, меня ранили, и я попал в госпиталь, а старухе прислали похоронную».*

Дискурсообразующие концепты. Описание Сибири, ее природы, климатических условий, людей и т.д. проявляется в обоих типах исследуемых текстов, поэтому одним из дискурсообразующих концептов для автобиографических текстов, существующих в контексте сибирской словесной культуры, является концепт «Сибирь» и связанные с ним концепты «ссылка», «погода». Безусловно, важнейшими дискурсообразующими концептами являются концепты «жизнь», «семья», «работа», «время», «пространство». Особенностью диалектных автобиографических рассказов является взаимопроникновение концептов «жизнь» и «работа» [15].

Коммуникативные стратегии и тактики. Главной коммуникативной стратегией, используемой авторами автобиографических текстов, является стратегия самопрезентации. Самопрезентация как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать у окружающих и у самого себя благоприятное впечатление» [16. С. 129], пронизывает все тексты. Как уже отмечалось, авторы производят отбор событий, сведений, которые, как они считают, нужно отразить в автобиографии, благодаря чему имеют возможность конструировать свою идентичность, раскрывать «удобные», нужные факты из своей жизни, формирующие «положительный» имидж.

В диалектных автобиографических рассказах положительное впечатление о себе может формироваться через повествование о ком-то другом, его поступках, зачастую с использованием цитат, чужой речи: *«Он [об учителе] встречается меня: “Ну как, Васенька, живешь?”». ...а я говорю: “Ниче”, а он нос так сморщил, он гнул: “Ниче, и я ниче”. Все, с тех пор я никогда не говорил “ниче”. Ну почему не сказать “ничего”? А вот такие у нас учителя были, которые были сами неграмотные».*

Реализация данной коммуникативной стратегии осуществляется с помощью ряда тактик, среди которых используется тактика сравнения. Поскольку автобиографические рассказы представляют жизнь человека в динамике и повествование в основном ведется в форме прошедшего и настоящего времени, наблюдаются сравнения жизни в прошлом и в настоящем.

Наряду со стратегией самопрезентации, на наш взгляд, еще одной из главных стратегий, используемых при создании автобиографических текстов, является умолчание. Представляется, что она может использоваться как сознательно – в целях рассказать только «удобную» информацию о себе, а также неосознанно: при создании автобиографии авторы, как правило, выбирают только наиболее важные вехи своей жизни. К примеру, на момент поступления в университет в 1946 г. один из авторов в делопроизводственной автобиографии сообщает о родителях, об учебе в школе, о формировании взглядов на жизнь: *«Формированием моих взглядов на*

жизнь, на человека я обязан только книгам. Выучившись шести лет читать, я заразился страстной любовью к книгам...». После окончания университета в автобиографиях 1951 и 1979 гг. информацию о формировании взглядов автор не указывает.

Для делопроизводственной автобиографии XX в. использование стратегии умолчания было обусловлено еще и политическими причинами (страх ареста, задержания, репрессии), репрессивной политикой государства.

Средства языкового воплощения. Поскольку тексты автобиографического дискурса имеют общие черты, отметим, что главными дискурсообразующими языковыми средствами являются:

- лексические единицы, обозначающие факт рождения человека; наименования родства; собственные имена существительные (топонимы, антропонимы, названия организаций, учреждений); лексические единицы, входящие в лексико-семантические поля «образование», «возраст», «пространство», «работа»;

- на морфологическом уровне: личное местоимения «Я», притяжательные местоимения, количественные и порядковые числительные для обозначения даты рождения, возраста, количества человек в семье, даты, указывающей на важные события в жизни говорящего, периода времени, в течение которого происходило то или иное событие; глаголы в форме прошедшего и настоящего времени;

- на синтаксическом уровне можно отметить использование неопределенно-личных предложений, конструкций без активного субъекта с глаголами и глагольными формами единственного и множественного числа: *«Сразу же после окончания был оставлен ассистентом на кафедре палеонтологии»*; *«После этого мать подвергалась гонению со стороны белых, в связи с чем нам приходилось постоянно скрываться у крестьян. <...> С этой шахты меня перевели на коксовые печи»*.

Для делопроизводственных автобиографий характерно использование клишированных конструкций: *«Под судом и следствием никто из родственников не находился»*, *«Из близких родственников сужденных и репрессированных не имею. Сам не судим»*, *«Ро-*

дители в белых, царской и красной армии не служили. К уголовной ответственности не привлекались. Органами советской власти не преследовались. Избирательных прав не лишались. За границей не жили»; «В советской армии не служил и в боях Отечественной войны не участвовал, на оккупированной территории не жил»; «Родственников за границей не имею» и т.п.

Наряду с признаками, характерными для официально-делового стиля, в текстах делопроизводственных автобиографий используются единицы, конструкции, стилистические фигуры, характерные для текстов других функциональных стилей, прежде всего разговорного и художественного.

Так, используются:

– разговорные лексические единицы, в том числе с суффиксами субъективной оценки: «За время прохождения ВВП в 1932 году получил небольшую премию (лыжная **шапочка**)»; <...> «Из родственников сейчас имею кроме отца, матери и родного брата следующих: дядя и **тетка** в Минусинске, один двоюродный брат **где-то** в РККА на Дальнем Востоке»; «В последнее время заведовал **энергофаком**»; «Отец, мать и единственная сестра были **зверски замучены гитлеровцами** в 1943 году в г. Ровно»;

– оценочные, экспрессивные слова и высказывания: **скверное** материальное положение; «Так как N.N. тогда проживал в Москве, то мне пришлось по нотариальному договору оставить родительский дом за собой, а половину причитающейся суммы (3 500 р.) выплачивать ему, причем мой брат, бывший тогда вполне обеспеченным научным работником, нашел условие, чтобы я, **неоперившийся, одинокий, 24-летний юноша, платил ему еще ... проценты**»;

– разнообразные выразительные средства, из которых можно отметить эпитеты, сравнения, метафоры: «Я без всяких сомнений поступил на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, в который меня **влекло имя Лобачевского и сравнительная тишина Казани**»; «Поэтому И.Н. отказался от совместительства, чтобы **не порвать связь с родным политехническим институтом**»; «В те

чение некоторого времени я жил и воспитывался в интернате типа детского дома».

В исследуемых текстах встречаются инверсивные конструкции, характерные в основном для разговорного стиля: *«Из родственников имею только брата (рождения 1881 г.). Брат этот (В.Н.) выехал в США в 1919 г. Адреса его я не знаю, связи с ним никакой не поддерживаю и не знаю, жив он или нет».*

Интересным представляется наличие в текстах делопроизводственных автобиографий элементов «наивного письма». Авторы стремятся написать текст в официально-деловом стиле, использовать при этом характерные для него конструкции, обороты, большинство из которых формируют «псевдоофициально-деловой» стиль: *«Поэтому часто приходилось бросать учение и работать. Окончание было достигнуто благодаря самостоятельной работе, которая давала возможность заполнять пробелы, получающиеся в результате перерывов».*

Для диалектных автобиографических рассказов характерно использование единиц, входящих в лексико-семантическое поле «память»: *«Замуж вышла в такую же семью, плохо жила, как **вспомню**, так слезы брызжут из глаз, сами текут, никто не просит...»;* *«Уж и не **помню** почто Марфой стали звать...».*

В целом исследуемые устные автобиографические рассказы оформляются в разговорном стиле, в них используются конструкции с прямой, чужой, косвенной речью: *«А тогда в колхозе и кони были, и паслись кони, и сеяли все, и я верхом на конях ездила, и пасла, мама скажет: “Вот паси, только в хлеб не пускай, чтобы покатались не надо, посеяно у нас кругом”. А конь раз поскачет на пашню и катается...».* Вместе с тем встречаются лексические единицы и высказывания, характерные для официально-делового стиля: *«Сейчас я живу не одна. **Проживаю я с сыном**»;* *«А свекра по линии НКВД забрали»;* *«Ты, говорят, с ним не **легистрировалась**, ничего, была **союзительницей**»;* *«[о сестре] Жила на моём **изживении**, не получала».*

Таким образом, в контексте сибирской словесной культуры функционируют тексты, относящиеся к автобиографическому дис-

курсу. Он представлен разными речевыми жанрами, прежде всего ядерным речевым жанром автобиографии, имеющим разнообразные варианты, такие как, например, рассмотренные в данной работе делопроизводственная автобиография и устный автобиографический рассказ. Эти жанровые варианты имеют общие черты и ряд особенностей, обусловленных коммуникативной ситуацией, в которой они возникают и функционируют. Различия проявляются в функциях этих текстов, ситуациях обращения к ним, участниках коммуникации, жанровых, композиционных особенностях, средствах языкового воплощения. Представляются необходимыми дальнейшее исследование автобиографического дискурса и более глубокое изучение каждого из параметров его модели.

Литература

1. Никонова Н.Е., Ковалев П.А., Серягина Ю.С. «И клич об нем и слава мрачного философа летела отовсюду»: Ф. Ницше в зеркале сибирской дореволюционной периодики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 139–156.
2. Жиликова Н.В. «Центр или провинция?» областническая дискуссия в сибирской печати 1870–1880-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 6. С. 13–19.
3. Тихомирова Е.Е. Бинарные оппозиции в творчестве сибирских писателей середины XIX – начала XX века // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 2-2. С. 384–388.
4. Губайдуллина А.Н. Образ крокодила в контексте анималистики современной сибирской поэзии для детей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 2 (179). С. 108–113.
5. Никиенко И.В. Дискурсивное синтезирование концепта «Апейрон» В «Сократе Сибирских Афин» В.Д. Колупаева: «Афинский» слой // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 229–238.
6. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Современная сибирская деревня в фольклорном отражении (лингвокультурологическое описание) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 86–92.
7. Дёмина Л.В. Лирическая протяжная песня как центр жанровой системы Западносибирской песенной традиции // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 66–70.
8. Мельникова С.В. Духовная проза Сибири: дневники архиепископа Герасима (Г.И. Добросердова) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 29–35.

9. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как социокультурный феномен // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3. С. 11–15.

10. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

11. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 40–54.

12. Лебедева Н.Б. Естественная письменная речь как объект лингвистического исследования // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2001. № 1–2. С. 4–10.

13. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 604 с.

14. Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 54. С. 7–10.

15. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.

16. Майерс Д. Социальная психология. СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 1314 с.

AUTOBIOGRAPHICAL PRACTICES IN THE CONTEXT OF SIBERIAN VERBAL CULTURE

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2018, 16, pp. 35–51

DOI: 10.17223/23062061/16/3

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Keywords: verbal culture of Siberia, autobiography, discourse, speech genre, autobiographical story, autobiographical discourse, clerical autobiography.

The article describes the features of the speech genre of autobiography functioning in written formal and oral informal communication.

The material of the research is 300 clerical autobiographies written by residents of Tomsk in the 1920s–1990s, and 140 oral autobiographical stories recorded on the territory of Tomsk Oblast from Siberian old residents from 1940 to 2008.

The studied autobiographical practices form autobiographical discourse and their comparison, in the author's opinion, allows describing features of this discourse.

For this purpose the author analysed the material taking into account the following characteristics: purpose, functions, use, discourse participants, genre and composition, space and time, subjective and objective basis, concepts forming autobiographical discourse, communicative strategies and tactics, linguistic means.

The analysis of the material has shown that the investigated autobiographical practices have common and specific features. The differences are manifested in the functions of these texts, situations of their use, participants of communication, genre and composition characteristics, linguistic means.

The purpose of authors of all texts is to tell us about themselves and their life. All texts are provoked: clerical autobiographies are written when people apply for jobs, enter the university, and dialect autobiographical stories appear as a reaction of the informants to the dialectologist's request to tell about their life.

Texts perform informational, communicative, social, cultural, didactic functions, serve as historical sources, ways of self-identification, self-presentation. Communicative, cultural, didactic functions are more expressed in dialectal autobiographical stories, and social function in clerical autobiographies.

The texts belong to the speech genre of autobiography which has genre variants, such as clerical autobiography or autobiographical story, depending on the sphere of functioning. The main participant of communication in this type of discourse is the author of an autobiography. The addressee of a clerical autobiography is unknown to the author. Oral autobiographical stories are recorded in the situation of communication between a dialectologist and an informant.

A feature of the autobiographical texts is the chronological sequence of events, which corresponds to the trajectory of human life, but violation of it is possible in oral autobiographical stories.

The main communicative strategies which authors use during the creation of autobiographical texts are self-presentation and omission.

Basic concepts forming autobiographical discourse are "life", "family", "work", "time", "space" and, in particular, the concept "Siberia".

Clerical autobiographies are created with officialese in an official style and autobiographical stories in a conversational style. The latter are characterised by the use of structures with direct and someone else's speech.

References

1. Nikonova, N.E., Kovalev, P.A. & Seryagina, Yu.S. (2016) And the word about him, and the fame of a gloomy philosopher was heard from everywhere": Friedrich Nietzsche in the mirror of Siberian prerevolutionary periodicals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4(42). pp. 139–156. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/42/11
2. Zhilyakova, N.V. (2010) "Tsentri ili provintsiya?" oblastnicheskaya diskussiya v sibirskoy pechati 1870–1880-kh godov ["Center or province?" Regional discussion in the Siberian press of the 1870–1880s]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 9(6). pp. 13–19.
3. Tikhomirova, E.E. (2016) Binarnye oppozitsii v tvorchestve sibirskikh pisateley serediny XIX – nachala XX veka [Binary oppositions in the works of Siberian writers of the mid-19th – early 20th century]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 2-2. pp. 384–388.
4. Gubaydullina, A.N. (2017) Image of crocodile in the context of modern Siberian literature for children. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univer-*

siteta – *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2(179). pp. 108–113. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-2-108-113

5. Nikienko, I.V. (2014) Discursive synthesis of the Apeiron concept in the novel “Socrates of the Siberian Athens” by Kolupayev: The Athenian layer. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*. 4. pp. 229–238. (In Russian).

6. Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2007) Sovremennaya sibirskaya derevnya v fol’klornom otryazhenii (lingvokul’turologicheskoe opisanie) [Modern Siberian village in folklore reflection (a linguocultural description)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 86–92.

7. Demina, L.V. (2016) Lyrical melodious song as centre of the West-Siberian tradition genre system. *Vestnik Chelyabinskoy gos. akademii kul’tury i iskusstv – Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 3(47). pp. 66–70. (In Russian).

8. Melnikova, S.V. (2011) Spiritual prose of Siberia: diaries of archbishop Gerasim (G.I. Dobroserdov). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 346. pp. 29–35. (In Russian).

9. Matkhanova, N.P. (2005) Sibirskaya memuaristika pervoy poloviny XIX veka kak sotsiokul’turnyy fenomen [Siberian memoirs of the first half of the 19th century as a socio-cultural phenomenon]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 11–15.

10. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskij Entsiklopedicheskij slovar’* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 136–137.

11. Voloshina, S.V. & Litvinov, A.V. (2016) Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts. *Tekst. Kniga. Knigoznanie – Text. Book. Publishing*. 1(10). pp. 40–54. (In Russian). DOI 10.17223/23062061/10/3

12. Lebedeva, N.B. (2001) Estestvennaya pis’mennaya rech’ kak ob’ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Natural written speech as an object of linguistic research]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1-2. pp. 4–10.

13. Yurchak, A.V. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’*. *Poslednee soetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

14. Bolshakova, N.V. (2009) Vzaimodeystvie diskursov v dialektnom tekste [Discourse interaction in the dialect text]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 54. pp. 7–10.

15. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [Speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand Diss. Tomsk.

16. Myers, D. (2002) *Sotsial’naya psikhologiya* [Social psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Praym-Evroznak.